

По следам утерянных египетских книг

Египетский историк Ахмет Фахи расследует дело о пропаже из Египта 165 книг, которые очутились в небольшой библиотеке в Нью-Йорке, и предлагает к обсуждению вопрос о государственной цензуре в Египте, которая даже после революции продолжает ограничивать доступ к знаниям.

Несколько недель назад в моей жизни произошло два события, которые заставили меня очень глубоко задуматься о той ситуации с книгами, чтением и всей культурой в целом, которая сложилась в Египте. Первое из них случилось в Нью-Йорке, и я бы хотел рассказать на этот счет небольшую историю.

В течение последних нескольких лет я работал над книгой, посвященной социальной и культурной истории Египта в XIX в. Две главы этой книги посвящены истории медицины. В первой из них рассказывается об истории медицинской школы Каср Ал-Айни и публичной больницы, основанной в 1827 г. Во второй — об истории народной медицины в стране в целом.

Одним из главных вопросов, которым я задаюсь, это то, как египетское общество относилось к

современной медицине. Особенное внимание я уделяю процедурам, которые могут показаться противоречащим религиозным убеждениям, таким как препарирование, вакцинация, посмертное вскрытие, особенно тел женщин.

Для того, чтобы ответить на эти вопросы я в течение нескольких лет проводил исследования в Государственном архиве Египта. Там я обнаружил множество удивительных документов, которые пролили свет на реакцию среднестатистического египтянина на эти новые явления и такие институты, как вакцинация против паротита, современные больницы, государственные клиники и сложные формальности, связанные со сбором и ведением соответствующей статистики. Однако, гораздо более трудно оказалось выяснить отношение к этим нововведениям самих врачей.

Хорошо известно, что первый курс студентов, поступивших на обучение в медицинскую школу Каср Аль-Айни, ранее проходил обучение в исламском университете Аль-Ажар, и потому эти студенты обладали обширными познаниями в области шариата и фика (догматики). По этой причине мне было особенно интересно узнать о том, что они думали о современной медицине, которая преподавалась в их новой школе.

Фонды Государственного архива Египта, богатые сведениями о пациентах, посещавших Каср Аль-Айни, удивительно скудны информацией о преподавателях и врачах этого госпиталья. Это заставило меня перебраться в здание Национальной библиотеки, находящееся по соседству, чтобы поискать, что могло быть опубликовано докторами.

Здесь мне помогли исследователи, в том числе Аида Носсир, которая составила библиографии первых книг, выпущенным знаменитым “Булак-пресс” — старейшим издательством Египта. Открылся удивительный факт, что около трети публикаций “Булак” на протяжении первых 30 лет работы были на медицинскую тематику.

Большинство из этих книг были переводами с французского на арабский, сделанными первыми студентами Каср Аль-Айни, теми самыми, которые первоначально проходили обучение в Аль-Ажар. Некоторые из них являлись не переводами, а книгами изначально написанными на арабском. Составив список из 30 таких книг, я с нетерпением отправился в Государственную библиотеку, чтобы познакомиться с ними. Однако, мои надежды быстро рухнули, потому что Государственная библиотека находится, мягко говоря, в состоянии полного бардака. Об обслуживании читателей там вообще никто не слышал, каталоги составлены будто специально с целью запутать посетителей, а служащие воспринимают любую попытку получить помощь или совет как оскорбление.

Что еще хуже, мне удалось обнаружить только несколько из книг, которые я разыскивал. Большинство наименований, которые мне хотелось изучить, просто отсутствовали на полках. Когда я обратился к “библиотекарям” (я вынужден использовать кавычки, чтобы не оскорблять представителей этой уважаемой профессии), я встретил только удивленные взгляды людей, которые не могли понять, что этого по всей видимости психически здорового человека может интересовать в каких-то старых книгах по медицине. Они сдержанно ответили мне, что книги находятся на реставрации, расставлены на

неверные полки или просто пропали. Я потерял всякую надежду найти эти книги в Государственной библиотеке и взамен утешился удивительными находками, которые мне удалось совершить среди неопубликованных архивных материалов из Государственного архива.

Позже, к моему величайшему изумлению, я натолкнулся на эти книги в Нью-Йорке. Спустя две недели я отправился в Библиотеку Бобст Нью-Йоркского университета, чтобы сверить несколько цитат. Как известно всякому, кто хоть раз побывал в Бобсте, Филип Джонсон, по всей видимости, спроектировал это здание с целью вызвать головокружение у его попечителей. На протяжении всех лет работы в Бобсте я старался избегать смотреть в ее огромный, бессмысленный световой колодец и сразу спускался в подвальную часть. Именно там, к моей великой радости, я обнаружил, что библиотека Бобст располагала микрофишами 89-ти первых изданий “Булак” по медицине.

Зная о том, что эти удивительные египетские книги числились пропавшими в Государственной библиотеке Египта, мне не терпелось узнать, как микрофиши с них попали в небольшую, сравнительно новую библиотеку, находящуюся в отдалении от великолепной библиотеки Нью-Йоркского университета.

Небольшой шифр в верхней части каждого слайда дал мне подсказку. Бумажные оригиналы, с которых были сняты эти микрофиши, находились в библиотеке Лондонского университета, а именно в Школе восточных и африканских исследований. Оставался один вопрос: почему Лондонский университет могли интересоваться арабские медицинские книги XIX в., которые были переведены с французского?

История получила дальнейшее развитие. Коллекция слайдов не ограничивалась книгами по медицине и включала арабский перевод итальянского руководства по окрашиванию шелка — самой первой из изданных “Булак” книг (1823). Самой последней книгой в коллекции была книга по математике, изданная в 1850 г.

Почему библиотеке Лондонского университета потребовалось приобретать эту случайную коллекцию публикаций “Булак”? И почему, если их интересовали ранние публикации новых издательств (что, видимо, не очень интересовало Государственную библиотеку Египта), они прекратили приобретать эти книги после 1850 г., несмотря на то, что “Булак” продолжал свою деятельность?

У меня было предчувствие, что ответ на этот вопрос был связан с событием, которое произошло в следующем 1851 г., когда в Лондоне открылась Всемирная выставка. Как известно, она стала первой в серии Всемирных выставок, которые впоследствии проводились в таких городах, как Париж, Чикаго и Вена. Лондонская выставка 1851 г. была не только первой в своем роде, но также была специально посвящена достижениям промышленности и технологии. Организованная принцем Альбертом, супругом королевы Виктории, она предназначалась для демонстрации того, что промышленность и технология могут осуществить все мечты человечества. Огромный Хрустальный дворец, сооруженный из стекла и железа, был призван показать торжество человека над природой.

Менее известным фактом остается то, что Египет также принимал участие в этой выставке, а также то,

что египетский павильон был не меньше турецкого, хотя страна, технически и юридически по-прежнему была лишь одной из провинций Османской империи.

Просматривая каталог выставки, отсканированный и доступный в Интернете благодаря Google, я нашел подробное описание экспонатов, который отправил на выставку Египет. Они должны были показать, какого уровня развития наука и технологий Египет достиг к тому моменту. Среди 391 предмета, представленного на выставке, были и египетский плуг, и мятная вода из Розетты, и водяная труба, и “головной убор феллаха из бобрового меха” и рафинированный сахар с фабрики Ибрагима Паши. В середине этого списка, достойного пера Борхеса, под номером 248 значилось: “Сто шестьдесят пять томов на турецком, арабском и персидском языках, изданных издательством “Булак”.

Наверное, именно таким образом эти книги попали в библиотеку Лондонского университета. Когда египетская делегация под предводительством капитана Абдель Хамида возвращалась в Египет, книги, по всей видимости остались. Скорее всего, они были переданы в дар университету.

Что мне показалось наиболее удивительным в этой истории, так это то, что в 1851 г., когда египетские чиновники планировали участие во Всемирной выставке, они сочли 165 книг, недавно опубликованных издательством “Булак” достойными включения в экспозицию. Несмотря на скромные достоинства этих экспонатов, они должно быть занимали почетное место в египетском павильоне.

Повод для гордости, несомненно, был. Эта коллекция современных медицинских изданий, переведенных на арабский лишь несколько лет спустя после их публикации на французском, демонстрировало знакомство с последней медицинской литературой, а также способность производить прекрасные книги, набранные ясным шрифтом на качественной бумаге в элегантном кожаном переплете.

Стоит только погрузиться в эти книги, как я это сделал к своей величайшей радости в подвальном этаже Бобст, — и ты немедленно обнаруживаешь еще одну причину для удивления. Во-первых, рифмованные предисловия, составленные арабскими редакторами и переводчиками демонстрируют широкие познания в области арабо-исламской средневековой медицинской мудрости и невероятную легкость в пользовании ей при составлении перевода современной медицинской литературы. Легко заметить глубокое чувство уверенности и гордости за достижения и медицинской школы “Каср Аль-Айни” и издательского дома “Булак”. Целью этого огромного издательского проекта было не “позаимствовать у других” и не “догнать Запад”, как мы предпочитаем называть это сегодня, а скорее возрождение искусства, которое процветало в Египте, но долгое время назад сошло на нет.

После нескольких дней изучения истории этих книг и многих дней, проведенных за чтением их, меня охватило чувство глубоко отчаяния. Я сидел в библиотеке в Нью-Йорке, читая медицинские книги, которые были напечатаны в Каире и которые мне так и не удалось найти на родине. В то время, как библиотека Лондонского университета выполняла свои обязанности образовательного учреждения, сняв микрофиши с этих книг и предоставив доступ к ним для большего круга читателей, наши библиотеки по-прежнему придерживались философии бессмысленного накопления знания в лучшем

случае, а в худшем — просто теряли книги, в том числе редкие.

После этого я столкнулся с другой ситуацией, о которой я упомянул в начале этой статьи. Примерно в то же время, когда я предавался наслаждению, связанному с обнаружением этих книг, мне сообщили, что один из учебников, который я планировал использовать для одного из моих курсов в Американском университете Каира был запрещен Государственной службой по цензуре публикаций.

Эта книга, “История современного Ближнего Востока”, написанная Уильямом Кливландом и Мартином Бантоном, считается одним из лучших учебников по этому предмету и множество раз использовалась в этом университете. Когда мы навели справки, оказалось, что Государственной службе по цензуре публикаций (да, в пост-революционном Египте по-прежнему есть служба с таким названием) показались неприемлемыми карты в книге, на которых города Халаиб и Сахлатин находились по другую сторону египетско-суданской границы. Эта служба в конечном итоге любезно ограничилась требованием исправить данные карты от руки, и только после этого они были исключены из числа запрещенных книг.

Размышляя о двух этих событиях я не могу не провести сравнения с ситуацией, в которой мы находились в 1851 и находимся сейчас в 2012 г. В середине XIX в. мы были в полном смысле цивилизованной страной. Мы относились к науке в духе свободного поиска, не задумываясь о ее географическом происхождении и не озадачиваясь вопросами аутентичности, национальной идентичности и национальной безопасности. Однако, после того, как наши университеты и библиотеки оказались не способны даже сохранить книги, которые мы когда-то переводили и публиковали, и растеряв наши научные достижения, мы вынуждены собирать наши собственные знания за границей.

После этого, чтобы еще более усугубить положение, мы передали обязанности по защите национальной безопасности служащим из службы цензуры, которая имеет наглость именовать себя “Службой по цензуре публикаций”, демонстрируя своей посредственностью свою полную некомпетентность в работе со всем, что касается знания, науки и академических исследований.

Мое отчаяние, нет, ярость вызвана не тем вредом, который был нанесен, как я знаю, свободе слова и академических исследований теми, кто находится на страже нашей национальной безопасности. Я тоже беспокоюсь за нашу национальную безопасность. Моя ярость вызвана глубоким убеждением в том, что национальная безопасность никогда не укрепляется запретами книг. Напротив, она достигается их распространением.

[Халед Фами](#) — профессор, председатель отделения истории Американского университета в Каире. Это эссе изначально было опубликовано в издании [“Новости литературы”](#) на арабском языке и затем на сайте [Ahram Online](#) на английском. Оно приводится здесь с разрешения автора и издательства.

Опубликовано на: Сентябрь 10, 2012